

ПОДСНЕЖНИК В КУХНЕ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

DREAM DEBIT

18+

DREAM DEBIT

Подснежник в кухне

«Автор»

2026

DEBIT D.

Подснежник в кухне / D. DEBIT — «Автор», 2026

Иногда, чтобы понять, что значит быть братом, нужно пройти долгий путь. Время то ускоряется, то замирает. Капли падают из ржавого крана. Часы снова и снова отбивают девять. Кукушка выглядывает с каждым шорохом. А сестра растёт быстрее, чем ты успеваешь моргнуть. Наступает момент, когда её приходится отпустить. И ты садишься за чёрное пианино в цилиндре и смокинге. Играешь то медленно, то быстро — радуясь, что она нашла своё счастье, и одновременно боясь, что больше не вернётся. Иногда останавливаешься, убираешь руки с клавиш, пьёшь воду и ждёшь: вдруг дверь снова откроется. Но время идёт. Дни складываются в годы, годы — в десятилетия. А ты всё играешь. В надежде, что когда-нибудь кто-то вытащит тебя из-за этого пианино. И ты сможешь уйти по пыльной дороге, где камешки больше не причиняют боли. Потому что роль пианиста уже позади. А роль брата останется с тобой навсегда.

© DEBIT D., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Плог	5
Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	24
Конец ознакомительного фрагмента.	28

DREAM DEBIT

Подснежник в кухне

Плог

Ночь обернула город в саван.

Тишина стояла такая, что звенела в ушах и давила мёртвым весом. Улицы, дома, даже воздух — всё замерло. Только в одном окне на втором этаже трепетал одинокий уголёк света.

В комнате пахло горящим воском и затхлостью старых чернил.

Свеча на грубом столе металась, как пойманная птица. Пламя вытягивалось, искажалось, швыряло на стены рваные тени. Казалось, вот-вот лизнёт бумагу и вспыхнет. Но он не замечал.

Ему было двадцать семь.

Плечи и спину сковал невидимый холод. Он сидел прямо, как натянутая струна. Белое перо в пальцах не дрожало от холода — оно билось от ярости. Он втыкал его в чернильницу с такой силой, что тёмные брызги разлетались, словно кровь. Кляксы покрывали стол, листы, пропитывали рукав рубашки, ложились чёрными пятнами на смятую простыню.

Он писал.

Слова вырывались из него, как стон из разорванной плоти. Каждое — как клеймо, выжженное на собственной душе. Это было признание в любви. Болезненное, злое, безжалостное. Признание той, кто сейчас находилась за тонкой стеной.

А за стеной не было тишины.

Девятнадцатилетняя девушка издавала тихие, прерывающиеся звуки. Не крик боли — сладкое, тягучее стонание. Чужие пальцы, почти невесомые, скользили по её волосам, по коже шеи, спускались к обнажённому плечу. Каждое прикосновение было лаской, которая не принадлежала ему. Она отвечала тихими, притягательными вздохами.

И он слышал каждый.

Каждый вздох бил прямо в сердце. Оно билось глухо, с ошибками, будто из последних сил. Ярость, горечь, собственничество и липкая, извращённая нежность сплелись внутри в тугой удушающий узел. Перо несло по бумаге, скрипя и разбрызгивая чернила.

Он оставлял на листах не слова — кровавые, чёрные следы разорванной души.

Пока она изливала сладкие звуки в чужих объятиях, он признавался ей в любви так, словно хотел этими строками убить её, себя и весь этот мир.

Свеча догорала.

За окном стояла мёртвая ночь.

А в маленькой комнате бушевала тихая, самая страшная война.

Глава 1

Пальцы дрожали. Он протянул руку к листу бумаги, лежавшему на столе, и почувствовал, как кончики пальцев касаются края — шершавого, чуть влажного от чернил, ещё не высохших до конца. София сидела напротив, опустив перо, и смотрела на него так, словно видела впервые — не глазами, а чем-то более глубоким, что не имело названия.

— Ты всегда так внимательно читаешь, — сказала она тихо, и в голосе её не было вопроса. Только констатация. Только тёплое, почти невесомое признание.

Он не ответил. Глаза его бежали по строчкам, впитывая каждую букву, каждый изгиб пера, каждую чёрную каплю, застывшую на бумаге. Строчка про дождь, который запоминает форму облаков. Про то, как капли падают на землю, но небо помнит их очертания. Про то, что уходит, но остаётся навсегда.

Он отпустил лист. Движение было лёгким, почти незаметным — он боялся спугнуть тишину, которая легла между ними, как одеяло, сотканное из света и теней. Повернул голову к ней. Улыбка медленно расплзалась по его губам — не широкая, не яркая, а тихая, та, что появляется только в моменты, когда слова не нужны.

София заметила дрожь в его пальцах. Накрыла его руку своей — ладонь у неё была тёплая, сухая, чуть шершавая на костяшках от того, как она сжимала перо. Пальцы её легли поверх его пальцев, и он почувствовал, как пульс замедляется, выравниваясь в ритме с её дыханием.

— Не бойся, — прошептала она. — Искусство всегда трясёт нас изнутри. Но я с тобой.

Он сглотнул. Губы приоткрылись, выпуская тихий, едва заметный выдох, и вместе с ним вырвалось слово, почти беззвучное, почти невесомое:

— Спасибо.

Она сжала его ладонь чуть крепче.

— Тебе не за что меня благодарить. Мы ведь понимаем друг друга без лишних слов. Просто дыши. И позволь чувствам свободно течь на бумагу.

Он наклонился к ней. Медленно, как цветок, поворачивающийся к солнцу на рассвете, когда свет только начинает пробиваться сквозь утреннюю дымку. Губы его коснулись её лба — тёплого, гладкого, пахнущего утром и чернилами. Поцелуй был лёгким, почти незаметным, переданным через сухие, чуть потрескавшиеся губы. Он замер на мгновение, вдыхая её запах — смесь старой бумаги, мыла и чего-то неуловимого, что было только её.

София замерла. Не отстранилась, но и не ответила. Пальцы её мягко коснулись его щеки, убирая прядь волос с лица.

— Ты сейчас так сильно переживаешь, — сказала она, и голос её был ровным, как поверхность озера в безветренный день. — Закрой глаза и просто дыши вместе со мной. Не торопись.

Он медленно, словно в зимнее утро, когда тело неохотно покидает тепло постели, отодвинулся от её лба. Открыл глаза. Взгляд её был спокойным, тёплым, без тени осуждения или вопроса.

— Всё хорошо, — произнесла она. — Иногда нам просто нужно время, чтобы снова обрести равновесие.

Улыбка не сходила с его лица. Она была похожа на карету, едушую по ночной дороге под луной, — белоснежный свет, крылья ангелов, оберегающие покой. Он сделал лёгкий, но решительный поклон — резковатый, как взмах плетки, подгоняющей двух юных лошадей, — и, не сказав больше ни слова, вышел из комнаты.

Шаги его были мелкими, быстрыми, почти бесшумными. Он прошёл несколько комнат, не замечая их, и оказался на кухне. Старая, обжитая кухня пахла хлебом и вчерашним супом. На столе стояла глиняная кружка с остатками чая. Он протянул руку к чайнику — белому, чуть пожелтевшему от времени, с чёрной кнопкой, которая вжималась с тугим щелчком. Нажал. Голубая лампочка загорелась, и через секунду из носика повалил влажный, горячий пар, оседающий капельками на столе и на крышке.

Он сделал шаг назад. Отодвинул стул — старый, скрипучий, с чёрными ножками, одна из которых была чуть короче других. Сел. Обхватил кружку ладонями, чувствуя, как тепло перетекает в пальцы, поднимается по рукам, достигает груди. Сделал первый глоток — чай был сладким, горячим, чуть обжигающим. Жидкость текла по венам, прибавляя нежности и заботы, которые она вложила в этот напиток.

В этой странной глазури из света и окон без солнца он чувствовал, как его оберегают. Как момент длится, растягивается, отказывается заканчиваться.

Но если это сон — почему бы ему не продлиться? Почему бы не унести его ещё глубже, в то сознание, где он любит свою сестру, не боясь ни имени, ни границ, ни тишины, которая падает между ними, когда слова заканчиваются?

Она появилась в дверях. Тихая, лёгкая, с улыбкой, которая касалась только уголков губ.

— Я вижу, ты решил остепениться, — сказала она, подходя к столу и переставляя чайник на чистую полку. Пальцы её коснулись его плеча — коротко, почти невесомо. — Поможешь мне поставить тарелки?

Он не ответил словами. Просто положил свою руку поверх её ладони, лежащей на его плече, и нежно, осторожно, словно боясь навредить своей грубой, чуть пыльной ладонью, погладил её пальцы. Они были маленькими, тонкими, как весенние подснежники, пробивающиеся сквозь остатки зимнего снега.

Она замерла. Чувствуя его грубые пальцы на своей коже, она тихо выдохнула:

— Ты такой нежный.

Сжала его руку в ответ. Ладонь её была тёплой, сухой, надёжной.

— Пойдём, я угощу тебя вкусным чаем.

Он поднялся. Взял её под руку, как кавалер на балу девятнадцатого века, и улыбнулся:

— Идем, моя милая, нежная юная леди.

Она тихо рассмеялась — негромко, искренне, но руки не отпустила. Провела его обратно к столу, поставила перед ним дымящуюся кружку. Глаза её отражали тепло этого вечера, хотя за окном было утро, и солнце только начинало подниматься над крышами.

— Пей медленно, — сказала она. — Он ещё горячий.

Он поднёс кружку к губам. Сделал глоток. Чай обжигал, но он не останавливался. Пил, чувствуя, как сладость растекается по языку, как тепло проникает в каждую клетку тела. В этой странной глазури из света и окон без солнца он чувствовал, как его оберегают. Как момент длится, растягивается, отказывается заканчиваться.

— Ты знаешь, — начал он, не отрывая взгляда от кружки, — эта музыка момента могла бы играть вечно. Пианист, что охотно гнёт клавиши за ценой, не показывая своего лица. Сидящий в чёрном фраке с бабочкой. Он не снимает цилиндр. Ловко и медленно, с небольшим усилием, передвигает руки с одной стороны на другую. А потом вдруг останавливается. Видит именно эту минуту.

Она слушала, не перебивая. Глаза её были полуприкрыты, но он знал, что она видит всё — каждую тень на его лице, каждую дрожь в голосе.

— Но пианист остановился, — закончил он тихо. — Потому что раздался стук.

Стук в дверь был громким, резким, железным. Он разорвал тишину, как нож — шёлковую ткань. Крик, сопровождавший его, был нетерпеливым, капризным, знакомым.

— София! Ты дома? Я жду!

Она вздрогнула. Резко отпустила его руку. Тёплая глазурь момента разбилась на осколки, рассыпалась по полу, и в комнату ворвался холодный воздух реальности.

— Боже... — выдохнула она, поправляя волосы, одёргивая рубашку, делая шаг назад к двери. — Это Лиза. Она должна была прийти.

Он не ответил. Просто смотрел, как она уходит, как её силуэт исчезает в коридоре, как дверь открывается, впуская в дом чужой, громкий голос, смех, запах улицы.

Тишина, наполнявшая комнату, медленно стихала. Приход Лизы был похож на то, как старая рана начинает ныть перед дождём — не больно, но тревожно. Пианист, резко остановившийся, собрал свои ноты, застегнул фрак и пошёл по пыльной дороге, перекатывая на подошве мелкие, незаметные камушки. Спина прямая. Шаг размеренный. Взгляд устремлён вперёд.

Он видел в своих мыслях, как пианист поднимает руку и произносит слово. Медленно, с протяжным, тяжёлым воздухом:

— Прощай, мой друг. Прощай.

Он допил чай. Скупая, нежная слеза, едва заметная, тихо скользнула по его щеке. Капля упала в пустую кружку, разбившись о дно, как о самую бездну ада. Только тихий, тяжёлый вздох вырвался из его рта.

София обернулась в дверях. Уже взялась за ручку, но бросила на него долгий, виноватый взгляд. Взгляд, который говорил больше, чем любые слова.

— Всё хорошо, — шепнула она. Быстро, едва слышно. И отвернулась к замку. — Лиза, подожди секунду.

Он невольно посмотрел на часы. Старые, деревянные, с кукушкой, которая всё время вылетала из домика, когда отбивала время. Девять часов. Маленькая птичка выпрыгнула из жёлтых дверец, закричала механическим голосом, отсчитывая удары, и скрылась обратно.

Девять часов. Школа.

Он смотрел, как София хватается сумку, как она бросает на него последний взгляд, как дверь захлопывается за ней и Лизой, как железная основа двери издаёт скрипучий, до визга неприятный звук.

И всё.

Он остался один. Сидел за столом, глядя на пустую кружку, на остывший чайник, на стул, на котором только что сидела она. Тишина вернулась — глухая, заметная для его взора и слуха, как звенящая пустота после того, как музыка прекратилась.

Он поднялся. Стул скрипнул — в ножке всё ещё торчал гвоздь, который он когда-то пытался забить, но так и не добил до конца. Подошёл к раковине. Включил воду.

Холодная вода побежала по пальцам, смывая следы чернил, которых уже не было. Он смотрел, как струя разбивается о металл, как капли разлетаются в стороны, как пар от чайника медленно тает в воздухе.

В доме снова наступила тишина. Не та, что была утром — тёплая, наполненная невысказанными словами и прикосновениями. Другая. Пустая. Ожидающая.

Он выключил воду. Капля упала в раковину — единственный звук в комнате.

И ничего не изменилось.

Глава 2

Телефон вибрирует в кармане куртки, брошенной на спинку стула. Один раз. Коротко. Как предупреждение.

Я стою у раковины. Вода течёт — я слышу её шум, но не чувствую. Руки под струёй, холодной, почти ледяной, но пальцы не немеют. Я смотрю на них, и они кажутся чужими — длинные, бледные, с въевшимися чернилами в складках суставов. Вода стекает в слив, уносит с собой мысль, которую я не успел поймать.

Вторая вибрация. Короткая. Настойчивая.

Я выключаю кран. Полотенце пахнет стиральным порошком — резким, дешёвым, знакомым до тошноты. Вытираю руки, чувствуя, как ткань цепляется за сухую кожу. Подхожу к столу. Беру телефон. Экран загорается, и в тишине кухни этот свет кажется громче, чем был шум воды.

«Я скучаю по тебе.»

Я читаю это три раза. Слова не складываются в смысл. Они просто висят — буквы на белом фоне, и между ними пустота, в которую можно провалиться.

Пальцы замирают над экраном. Я не знаю, что ответить. Я вообще не знаю, есть ли у меня голос, чтобы сказать хоть что-то. В груди — глухой, ровный стук, похожий на удар молотка по мокрому дереву. Ни боли, ни облегчения. Просто звук.

Статус «печатает...» — появляется и исчезает, как дыхание. Я смотрю на это, и мне кажется, что я вижу, как она сидит там, где-то, с телефоном в руках, и не может найти слов. Потом приходит второе сообщение.

«Я забыла свой блокнот.»

Я выдыхаю. Медленно. Опускаю телефон в карман джинсов. Время в кухне течёт иначе — я смотрю на часы, и стрелки стоят на месте, хотя прошло уже два часа. Я не помню, как я здесь оказался. Я помню только, что вода текла, и я думал о том, как она приведёт кого-то в этот дом, и я буду сидеть в своей комнате и слушать, как они смеются, а потом я уйду — в чёрном пиджаке, с золотыми запонками, и буду играть на пианино в пустом зале, где нет никого, кто бы меня ждал.

Я запираю дверь. Задвигаю штору. Оставляю только узкую полоску света в прихожей — так, чтобы он падал на пол, не касаясь стен. Иду в свою комнату. Ключ торчит в замке снаружи — я поворачиваю его, и щелчок отдаётся в позвоночнике.

Кровать пахнет тёплым одеялом, и я падаю в неё, как мешок с песком. Подушка принимает голову, и я чувствую, как тело начинает тяжелеть — сначала ноги, потом руки, потом грудная клетка, где сердце всё ещё стучит, но уже реже, глуше.

Глаза закрываются сами.

Ветер за окном — лёгкий, почти невесомый. Я слышу его, как сквозь вату, и где-то на границе сна и яви мне кажется, что я слышу ещё что-то — шаги? — но это уже неважно. Я проваливаюсь.

Тьма не чёрная. Она серая, как старый телевизор, по которому идёт только снег. Я стою в ней, и вокруг меня нет ни стен, ни пола, ни потолка. Только я и эта пустота, которая дышит в так моему дыханию.

Хорошо.

Здесь тихо.

Потом — прикосновение. Кто-то гладит меня по волосам. Пальцы — тёплые, осторожные, они касаются виска, спускаются к щеке. Я не хочу открывать глаза. Я хочу остаться в этом сером снеге, где ничего не болит и не ждёт.

— Проснись.

Голос тихий. Слабый. Я знаю его.

— Я забыла свой блокнот.

Я слышу, как она садится на край кровати — матрас прогибается, и моё тело чуть скатывается к ней. Её рука ложится мне на грудь, туда, где сердце. Она считает удары. Я чувствую, как её пальцы слегка дрожат.

— Не уходи в свои чёрные сны.

Эти слова проходят сквозь меня, как вода сквозь решето. Я не могу за них зацепиться. Я уже там, где слов нет, только вибрация, только пульс, который замедляется, замедляется, пока не становится почти неразличимым.

— Пожалуйста, — шепчет она. — Останься со мной.

Её голос ломается. Я слышу, как она сжимает мою ладонь — крепко, так, что кости почти трещат. Это почти больно, и боль эта тянет меня обратно, из серого снега к поверхности.

Я делаю вдох.

Глубокий. Хриплый. Такой, от которого сводит горло.

Она вздрагивает. Я чувствую это — её пальцы на моей руке сжимаются ещё сильнее, потом расслабляются. Она гладит моё запястье, ищет пульс, и я позволяю ей найти его.

— Ты со мной, — говорит она. Не спрашивает. Утверждает.

Я слышу, как скрипит блокнот у неё в руках — она прижимает его к груди, и бумага шуршит, как живые листья.

Время теряет значение. Я не знаю, сколько я так лежу — может, минуту, может, час. Она сидит рядом, не двигаясь, только иногда поправляет одеяло, когда оно сползает с моего плеча. Её дыхание — ровное, тихое — становится моим якорем.

Я открываю глаза.

Сначала я вижу только красный свет — он льётся из окна, окрашивая комнату в цвет старой крови. Луна. Красная, полная, она висит низко, почти касаясь крыш. Свет падает на её лицо, и оно кажется хрупким, прозрачным, как фарфор.

Она сидит, поджав ноги, с розовым блокнотом в руках. Её пальцы сжимают уголок страницы, и я вижу, как она его мнёт — нервно, бессознательно.

— Наконец-то, — говорит она тихо, и её голос срывается. — Я так боялась, что ты уйдёшь в свои чёрные сны навсегда.

Я смотрю на неё. В красном свете её глаза кажутся почти чёрными — глубокими, бездонными, как два колодца. Я вижу в них отражение себя — бледного, с тёмными кругами под глазами, с волосами, прилипшими ко лбу.

— Добрый вечер, Софик, — говорю я, и голос звучит чужо, хрипло, как будто я не пользовался им неделю.

Она вздрагивает. Её щёки розовеют — даже сквозь красный свет это видно. Она отводит взгляд, потом снова смотрит на меня, и в её глазах — что-то, чего я не могу назвать.

— Как ты себя чувствуешь? — спрашивает она, и в этом вопросе — не вежливость, а настоящий страх.

Я чувствую, как по телу пробегают мурашки. Они начинаются где-то в пояснице и поднимаются вверх, к затылку, оставляя после себя дрожь. Внутренний голос — тот, что звучит как эхо в пустом зале, — шепчет: «Неужели она беспокоилась?»

— Конечно, я волновалась, — говорит она, будто услышав мои мысли. Она опускает взгляд, снова мнёт уголок страницы. — Ты так долго не просыпался.

Я приподнимаюсь на локтях. Тело слушается с трудом — мышцы затекли, голова тяжёлая, как будто её набили мокрым песком. Я тру затылок, пытаюсь разогнать кровь.

— Прости, — говорю я. — Усталость от бессонных ночей и дней, проведённых за долгими нудными строками, которые никак не хотят ложиться в ровную рифму. Выбило из-под контроля. Я рухнул как мешок с песком на тёплую кровать и отключился от питания.

Она кивает. Медленно. Её плечи расслабляются, и она опускает блокнот на одеяло — рядом с моей рукой. Я вижу, что на обложке — рисунок, сделанный её рукой: ветка с тремя листьями.

— Мы оба слишком много работаем над этими рифмами, — говорит она тихо. — Тебе нужно отдыхать.

Я сажусь. Резко. Голова на мгновение кружится, и я прикрываю глаза, пережидая. Потом встаю — ноги держат, хотя и не твёрдо.

— Я в душ, — бормочу я. — Смыть с себя эту кислотную жижу.

Она не отвечает. Просто смотрит.

Я выхожу в коридор. Половицы скрипят под ногами — этот звук я знаю наизусть, каждую доску, каждый гвоздь. Ванная — маленькая, с облупившейся краской на стенах и старым зеркалом, в котором я почти не узнаю себя.

Я закрываю дверь. Снимаю одежду — футболку, шорты, трусы. Забрасываю их в корзину для белья, которая пахнет сыростью и чем-то кислым. Вхожу в душевую кабину, и пластик отзывается глухим звуком.

Открываю кран. Вода течёт — сначала ржавая, потом прозрачная, холодная, потом тёплая. Я стою под струёй, и она стекает по голове, по плечам, по животу, смывая с меня сон, усталость, тот серый снег, который всё ещё шуршит где-то на краю сознания.

Пар заполняет кабинку. Я дышу им — глубоко, медленно, слушая, как вода ударяется о плитку и уходит в слив.

За дверью — тихий скрип. Половица. Та самая, третья от входа.

Я замираю.

— Ты закрыл дверь? — её голос приглушённый, тонкий, он просачивается сквозь шум воды.

— Да, — говорю я, и моё собственное слово звучит громче, чем я ожидал.

Пауза. Я вижу её тень под дверью — узкую полоску темноты, которая не двигается.

— Хорошо, — говорит она.

Я слышу, как её пальцы скользят по дереву — медленно, почти невесомо. Она не уходит. Я знаю, что она стоит там, в коридоре, прижимая к груди свой блокнот, и слушает, как течёт вода.

Я закрываю глаза. Вода обтекает лицо. Горячая. Пар щиплет кожу.

Я выключаю кран.

Тишина приходит резко — как пощёчина. Я слышу только, как вода капает с моего тела, и её дыхание за дверью — тихое, ровное, почти неразличимое.

— Мне нужно кое-что сказать, — говорит она, и голос её звучит совсем близко.

Я стою. Держусь за край плитки. Вода стекает по спине, по рукам, по пальцам, срываясь вниз, в слив.

— Давай потом, — говорю я тихо. — После душа. Хорошо?

Дверь не скрипит. Она не открывает её. Но я знаю, что она не ушла. Её тень всё ещё под дверью — неподвижная, тёплая, живая.

Я беру полотенце. Оно пахнет порошком — тем же, что и на кухне. Я вытираюсь медленно, чувствуя, как ткань впитывает влагу, как кожа остывает, как воздух в комнате становится прохладным.

Одеваюсь — трусы, футболка, зелёные шорты. Подхожу к двери. Открываю.

Она стоит в коридоре. С блокнотом в руках. Её глаза — в красном свете луны — всё ещё чёрные, глубокие, и в них я вижу себя — мокрого, с прилипшими к вискам волосами, живого.

— Чай? — спрашиваю я.

Она кивает, и её пальцы сильнее сжимают блокнот.

Я прохожу мимо неё по коридору, и наши плечи почти касаются. Я чувствую запах её тела — клубника, мята, что-то ещё, что я не могу назвать, но что помню уже много лет.

На кухне я зажигаю свет. Он жёлтый, тусклый, падает на стол, на стулья, на её блокнот, который она кладёт перед собой, открывая на первой странице.

Я ставлю чайник. Вода наливается с шумом, который заполняет пространство, и я смотрю на неё — на её руки, на её лицо, на то, как она перелистывает страницы, словно ищет что-то, что давно потеряла.

— Я слушаю, — говорю я.

Она поднимает на меня глаза. В них — темнота, и красный свет, и что-то ещё, что я не могу прочитать.

— Я забыла свой блокнот, — говорит она, и улыбается.

Улыбка у неё кривая, почти виноватая.

Я знаю, что это неправда.

Глава 3

Я не храбрый человек. Мне следовало бы сказать это раньше, когда мы стояли у озера, и она смотрела на меня так, будто я держал в руках её сердце, и оно ещё билось. Там, в лесу, где пахло мокрыми елями и прелой травой, где воздух был таким плотным от влаги, что его можно было жевать, я должен был сказать: «София, я трус». Но я не сказал. Я стоял, глядя на тёмную воду, и слушал, как она говорит. Слова падали в тишину, как камни, и я не мог поймать ни одного.

Она сказала: «Я написала стих. Но боюсь его прочитать вслух».

Я тогда не понял. Или сделал вид, что не понял. Я сказал что-то про отца, про природу, про то, что стихи пишутся для мира, который хочешь передать. Я нёс чушь, а она слушала, и её пальцы теребили край блокнота, сминая бумагу, как будто это была моя кожа.

«Он не для папы», — сказала она тихо, и голос её дрожал, как струна, натянутая до предела. — «И не про природу. Он про то, как трудно говорить о том, что жжёт изнутри».

Я смотрел на неё, и в голове крутилась одна мысль: «Только не это. Только не сейчас. Только не ты». Но она смотрела на меня, и я видел в её глазах то, что не хотел видеть. То, что не мог принять. Я хотел, чтобы это был сон. Чтобы я проснулся, и всё было по-старому: арбуз на веранде, сок, стекающий по подбородку, её звонкий смех, и я, делающий вид, что сержусь, а сам таю, как мороженое на солнце.

Но это был не сон. Я сжал свою руку, и боль пришла, острая и реальная, и сказала: «Ты не спишь, брат. Ты никогда больше не уснёшь».

Утро пришло белым и тихим, как молоко. Свет просачивался сквозь занавески, ложился на пол длинными полосами, и в каждой полосе плясали пылинки. Я не спал. Я лежал на спине, глядя в потолок, и чувствовал, как время ползёт по моей коже, медленное, как улитка, оставляющая за собой мокрый след.

Я думал о том, что сказал ей вчера.

«Я люблю тебя как своего члена семьи и родную сестру» — вот что я сказал. Слова упали между нами, как стена, и я видел, как она сжалась, как будто я ударил её. Она заплакала. Она сказала: «Я понимаю». И ушла.

Всю ночь я слышал, как она плачет за стеной. Звук был тихим, влажным, как дождь, который идёт не с неба, а изнутри дома. Стены впитывали этот звук, и я чувствовал, как он просачивается в мои кости, заполняет пустоты, которые я не знал, что у меня есть.

Я хотел встать, пойти к ней, постучать в дверь. Я хотел сказать, что я лгал. Что я трус. Что я боюсь того, что чувствую, не потому что это неправильно, а потому что это слишком правильно. Я хотел сказать, что когда она смотрит на меня, у меня внутри всё переворачивается, и я перестаю понимать, где брат, а где мужчина, где любовь, а где вожделение, где «я люблю тебя», а где «я хочу тебя».

Но я не встал. Я лежал и слушал, как она плачет, и чувствовал, как моё сердце бьётся где-то в горле, тяжёлое и горячее, как камень, который я проглотил и не могу выплюнуть.

Я уснул под утро. Мне приснился сон. Я шёл по коридору нашего дома, и пахло деревом и старой пылью. Я подошёл к пианино, чёрному, лакированному, холодному. Красные занавески медленно разошлись, и я увидел её. Она стояла в белом платье, молодая, свежая, как яблоко, только что сорванное с ветки. От неё пахло земляникой и потом, и её кожа светилась в полумраке, как будто внутри у неё горела свеча.

Она протянула ко мне руки, и я хотел шагнуть вперёд, но мои ноги приросли к полу. Я смотрел на неё, и желание было таким острым, что я чувствовал его вкус во рту — солёный, медный, горький.

Я проснулся от того, что моё сердце колотилось о рёбра, как птица о прутья клетки.

Дверь скрипнула. Я услышал шаги в коридоре — лёгкие, осторожные, как будто она боялась разбудить меня. Я не двинулся. Я лежал без одежды, укрытый простынёй до пояса, и смотрел в потолок, делая вид, что сплю.

Тихий голос донёсся из коридора:

— Ты спишь?

Я не ответил. Но она, должно быть, услышала моё дыхание, потому что дверь приоткрылась чуть шире, и в щель просочился свет, холодный, утренний, режущий глаза.

Я повернул голову. Она стояла в дверях, бледная, с опухшими глазами, в старой толстовке, которую она натянула до самого носа, как будто пряталась от мира. В руках она держала термос.

— Доброе утро, — сказал я, и голос мой прозвучал хрипло, как будто я не говорил сто лет.

Она отвела взгляд. Щёки её вспыхнули, и я понял, что она видит меня — без одежды, уязвимого, настоящего. Она отступила на шаг, но не ушла.

— Я принесла чай, — сказала она тихо, поднимая термос, как будто это было оправдание.

Я сел. Простыня сползла, и я не стал её поправлять. Я смотрел на неё, и в груди у меня что-то сжималось, как пружина, которую крутят и крутят, и она вот-вот лопнет.

Я встал. Подошёл к ней. Медленно, как будто шёл по тонкому льду, и каждый шаг мог быть последним. Я протянул руку. Мои пальцы дрожали, и я не мог это контролировать. Я коснулся её лица. Кожа была горячее, влажной от слёз, которые она уже выплакала, но которые всё ещё блестели на её ресницах.

Я провёл большим пальцем по её щеке, вытирая следы, которых уже не было.

— Зачем? — прошептала она, и её голос дрогнул.

Я не ответил. Я не знал, что сказать. Вместо этого я обнял её. Я притянул её к себе, и она врезалась в меня, как волна в берег, мягкая и неотвратимая. Термос упал на пол. Чай разлился, горячий, обжигающий, но ни она, ни я не обратили внимания.

Я чувствовал, как её тело дрожит в моих руках. Я гладил её по спине, медленно, сверху вниз, как будто успокаивал испуганного зверька. Её волосы пахли земляникой, как во сне, и я зарылся в них лицом, закрывая глаза.

— Ты же сказал, что это неправильно, — прошептала она, уткнувшись лицом в мою грудь, и её голос был глухим, приглушённым тканью моей кожи.

Я поцеловал её в макушку. Я не думал об этом. Это случилось само, как будто мои губы знали дорогу лучше, чем мой разум.

— Я не уйду от своего ответа, — сказал я тихо, и слова падали в её волосы, как листья, тяжёлые от дождя. — Я считаю, что романтические отношения между нами неправильны. Но я не могу притворяться, что ничего не чувствую. Я не могу делать вид, что ты для меня просто сестра.

Она замерла. Её дыхание остановилось, и я чувствовал, как её пальцы впиваются в мою спину, сжимая ткань моей кожи.

— Я не хочу быть лицемером, — продолжил я, и голос мой звучал глухо, как будто я говорил из глубокого колодца. — Я делаю одно, а говорю другое. Но я не могу отпустить тебя. Я не хочу.

Она подняла голову. Её глаза были красными, опухшими, но в них горел огонь, который я не мог погасить.

— Я поняла, — сказала она, и в её голосе не было обиды. Только усталость, глубокая, как лесное озеро.

— Просто будь рядом, — прошептала она, и я снова прижал её к себе, крепче, сильнее, как будто хотел влить её в свою грудь, сделать частью себя.

Мы стояли так долго. Чай остывал на полу. Время текло мимо нас, как вода, и мы не замечали его. Я гладил её по спине, и её дыхание постепенно выравнивалось, переставая быть прерывистым и болезненным.

Я думал о том, что сказал ей вчера. О том, что сказал сегодня. Я думал о том, что между этими словами — пропасть, и я стою на краю, глядя вниз, и не знаю, прыгну я или отступлю.

Её рука скользнула вверх по моей груди, и она положила ладонь на моё сердце. Оно билось быстро, слишком быстро, и она чувствовала это. Она улыбнулась, едва заметно, и в этой улыбке было что-то такое, от чего у меня перехватило дыхание.

— Ты боишься, — сказала она тихо. — Это я слышу.

— Да, — ответил я, не пытаясь спорить.

Она ничего не сказала. Она просто осталась в моих объятиях, и я чувствовал, как её тело расслабляется, приспосабливается к моему, как будто мы были созданы, чтобы быть здесь, вот так, в этом тихом утреннем свете, среди разлитого чая и невысказанных слов.

За окном запела птица. Где-то вдалеке залаяла собака. Мир просыпался, возвращался к жизни, и мы стояли в центре этого пробуждения, двое людей, которые не знают, как им быть друг с другом, но знают, что они не могут быть друг без друга.

Я наклонился и поцеловал её в висок, чувствуя, как пульс бьётся под тонкой кожей.

— София, — сказал я, и мои губы касались её волос, когда я говорил. — Я не знаю, что будет дальше. Я не знаю, как мы будем жить с этим. Но я обещаю тебе одно: я не уйду. Я всегда буду рядом. Даже если ты выйдешь замуж, даже если у тебя будут дети, даже если жизнь разведёт нас по разным городам, я буду здесь. Я всегда буду здесь.

Она ничего не ответила. Она просто обвила руками мою шею и прижалась ко мне, как будто хотела спрятаться внутри меня, как будто мой запах, моё тепло, моё сердцебиение были единственным, что могло её спасти.

И впервые за долгое время я не хотел её отпускать. Я не хотел, чтобы этот момент заканчивался. Я стоял, обнимая её, чувствуя, как её тело прижимается к моему, и думал о том, что это неправильно. Что это неправильно, что я не должен хотеть её так, как я хочу её сейчас.

Но я хотел.

И я не мог ничего с этим поделать.

Чай на полу остывал. Утро становилось днём. А мы всё стояли, обнявшись, не в силах разорвать этот круг, не в силах сказать друг другу то, что нужно было сказать.

Потому что правда была проста и страшна: я любил её. Не как сестру. Не как члена семьи. Я любил её так, как не должен был любить.

И она знала это.

Она всегда это знала.

Глава 4

Чай остывал на моей ладони. Я держал его слишком долго, и горячая керамика уже начала жечь кожу, но я не чувствовал этого — не целиком, не по-настоящему. Всё моё тело было собрано в одну точку, в одно место: в ушах, где звук поворачивающегося ключа в замке входной двери всё ещё вибрировал, как нота, которую никто не допел.

София отступила к окну. Её пальцы — я видел это краем глаза — вцепились в подоконник так, будто она пыталась удержать равновесие на краю пропасти.

Я не обернулся к ней. Я смотрел на дверь.

Шаги матери приближались по коридору. Каждый шаг — ровный, уверенный, хозяйский — отдавался в половицах, и я чувствовал этот ритм всем телом: от пяток до затылка. Я не дышал. Я ждал. И когда дверь приоткрылась, и её силуэт замер на пороге, я успел заметить, как свет из коридора упал на её лицо, и как её глаза — голубые, как песок на белых пляжах, как океан в полдень — скользнули по комнате, останавливаясь на всём: на чайнике, на моём лице, на Софии.

— Что здесь происходит? — спросила она тихо. Ледяно.

Я сглотнул. Глотка была сухой, как бумага. Я заставил свои губы разомкнуться.

— Доброе утро, мама. Всё хорошо. — Мой голос был ровным. Я сам удивился этому. — Немного утомился, когда просыпался, задел чайник с чаем. Уже собирался всё убрать.

Она смотрела на меня долго. Я не отвёл взгляда. Я смотрел в её глаза и держал этот взгляд, как держат стену, когда за спиной — кто-то, кого нужно защитить. Я не знал, поверила ли она. Я не знал, хотел ли, чтобы она поверила. Я просто стоял.

— Ясно, — сказала она наконец. Сухо. — Почему ты тут? — Этот вопрос был адресован не мне.

София вздрогнула. Я выставил руку, не оборачиваясь — просто жест, барьер, обещание.

— Она пришла меня будить, — сказал я. — Принесла чай.

Мать помолчала. Её взгляд прошёлся по моим ногам, по полу, где ещё блестела лужица пролитого чая.

— Идите завтракать, — сказала она и развернулась.

Я не выдохнул. Я позволил себе выдохнуть только тогда, когда её шаги начали удаляться в сторону кухни. Тогда я медленно, не поворачивая головы, сунул руку в карман и вытащил платок — голубой, с мелкими цветочками по краю, слегка торчащими из ткани. Я протянул его назад, не глядя, и почувствовал, как тонкие пальцы Софии коснулись моей ладони, взяли платок.

Я услышал, как она вытирает слёзы. Шёпот ткани, влажный и торопливый.

— Спасибо, — едва слышно сказала она мне прямо в ухо, проходя мимо к двери.

Я остался один в комнате. Чай на полу остывал. Я подошёл к кровати и начал поправлять покрывало — ровно, тщательно, как учили в армии, которой у меня никогда не было. Я разглаживал каждую складку ладонями, выравнивал подушку, пока постель не стала выглядеть так, будто на ней никто никогда не спал. Но запах — запах моего тела, моей головы, моего сна — уже пропитал ткань, и ничто не могло этого скрыть.

Я спустился по лестнице. Каждая ступенька скрипела подо мной, и звук разносился по дому, впитываясь в стены, в мебель, в тишину. Я шёл медленно, как сапёр по минному полю, и когда я вошёл на кухню, свет ударил мне в лицо — жёлтый, тяжёлый, как расплавленное масло.

София сидела за столом. Она комкала в пальцах мой платок. Мать молча резала хлеб.

— Садись, — сказала она, не оборачиваясь.

Я сел. Напротив Софии. Чайник стоял на столе, и я налил себе в старую, потрескавшуюся кружку. Пар поднимался вверх, ленивый и белый. Я опустил в чай две ложки сахара — тихо, чтобы не звякнуть ложкой о стенки, чтобы не привлечь внимания. Помешал. Поднёс к губам.

Чай обжёг язык. Обжёг горло. Обжёг меня изнутри, и я хотел выплюнуть его, закричать, но я только сидел и молчал, держа кружку в руках, позволяя боли течь внутрь, потому что боль была лучше, чем страх. Потому что боль была чем-то, что я мог контролировать.

Мать наблюдала за мной. Я чувствовал её взгляд на своём лице.

— Всё в порядке? — спросила она тихо.

— Всё хорошо, — ответил я. — Спасибо за заботу.

Она медленно кивнула. Отложила нож.

— Пей медленнее, — сказала она.

Я кивнул. София опустила глаза в тарелку. Её плечи были напряжены, как струны.

Кухня молчала. Время не шло — оно стояло на месте, липкое и тягучее, как патока. Я смотрел на обои — они начинали зеленеть по углам, пахли старым клеем и сыростью. Я смотрел на часы. Я ждал.

И когда кукушка наконец пробила, и в дверь позвонили — звонко, нетерпеливо, — я почувствовал, как напряжение отпускает мои плечи. Голоса Лизы и Марины донеслись с улицы, торопящие, весёлые.

София вскочила.

— Я уже иду! — крикнула она, натягивая куртку.

Мать проводила её взглядом. Дверь хлопнула. И я остался на кухне один — с матерью, с остывшим чаем, с тишиной, которая снова стала тяжёлой.

— Спасибо за завтрак, — сказал я, не поднимая глаз. — Было очень вкусно.

Я медленно отодвинул стул. Не встал сразу. Посидел ещё минуту, глядя в пол. Потом поднялся.

— Я ненадолго отлучусь, — сказал я почти шёпотом, не оборачиваясь. — Я решил устроиться на работу. Сегодня иду в один маленький магазинчик с цветами. Собирать букеты.

Я не дождался ответа. Я вышел из кухни, поднялся по лестнице, закрыл дверь в комнату на защёлку. Щелчок отдался в моём позвоночнике, в костях рук и ног.

Я открыл шкаф. Долго смотрел на две вещи: белую футболку и спортивные белые штаны с рисунком дракона — и строгий чёрный костюм с бабочкой.

Я выбрал костюм.

Одеваясь, я чувствовал, как ткань ложится на плечи — плотно, правильно, как вторая кожа. Я застегнул пуговицы, поправил воротник. Посмотрел на себя в зеркало. Увидел мужчину, которому давно не двадцать лет. Увидел того, кто устал прятаться.

Я выскользнул из дома, пока мать была на кухне. Холодный утренний ветер ударил в лицо, и я глубоко вдохнул, впервые за всё утро позволив себе дышать полной грудью.

Я достал сигарету. Закурил после долгих лет перерыва. Дым обжёг лёгкие, и вместе с этим жжением пришло странное облегчение — как будто вместе с дымом я выдыхал всё, что держал внутри.

Автобус пришёл вовремя. Я сел у окна, прижался лбом к прохладному стеклу. Кондиционер гудел, обдувая меня холодным воздухом, и я закрыл глаза, позволяя движению автобуса укачать меня. Город плыл за окном — пробки, смог, лето, люди, спешащие по своим делам. Я не думал ни о чём. Я просто ехал.

Я проснулся от того, что автобус остановился. Резко открыл глаза, выпрямился, схватил пустую бутылку, которую держал в руках, и выбежал на остановку. Махнул водителю — он улыбнулся и поехал дальше.

Магазин стоял на углу. Яркий, разноцветный, маленький — с живыми цветами, выставленными прямо на улицу в пластиковых вёдрах. Эмиля, хозяйка, женщина лет сорока, с добрыми глазами и вечно испачканными землёй руками, увидела меня и улыбнулась.

— Решил устроиться? — спросила она, поправляя вилку с розами.

— Здравствуйте, — сказал я. — Вы сегодня выглядите чудесно. Как самый спелый и сочный фрукт на дереве.

Она тихо засмеялась, и её глаза добродушно сощурились.

— Какой же ты у меня галантный, — она протянула мне фартук, вышитый лилиями. — Ну что, готов собирать букеты?

Я кивнул. Прошёл за ней внутрь.

Магазин был маленьким, светлым, пропахшим розами и ромашками, влажной землёй и холодом холодильных витрин. Я огляделся. За прилавком стояла Лиза — дочка Эмили, младшая, подруга моей сестры Софии. Она подмигнула мне, поправляя волосы.

— Не забудь про заказ на вечер, — сказала Эмилия, передавая мне ножницы. — И как пойдёт?

— Честно, ножницы я не получал, — сказал я.

Лиза тихо засмеялась, вышла из-за прилавка, взяла с полки блестящие ножницы и протянула их мне. Её пальцы намеренно задержались на моей ладони.

— Держи, — сказала она.

Я взял ножницы. Улыбнулся. И принялся за работу.

Я записывал заказы в чёрный блокнот, менял воду в вёдрах, подрезал стебли, заворачивал букеты в бумагу. Мои руки двигались ровно, спокойно — резали, перевязывали, поправляли. Я не думал. Я просто делал, и это было хорошо.

Время летело. Я не заметил, как наступил вечер. Цикады начали стрекотать где-то вдалеке, призывая партнёров, птицы устраивались в гнёздах деревьев в парке напротив. Я закончил последний заказ, снял фартук и получил от Эмили три тысячи рублей.

— Спасибо за работу, — сказал я.

— Ты справился, — ответила она. — Приходи завтра.

Я вышел на улицу. Вечер был тёплым, густым, пах пылью и увядающими цветами. Я не спешил домой. Я пошёл в парк, купил у бело-розового грузовика эскимо и углубился в аллею, где не было ни души.

Я сел на скамейку. Снял обёртку. Мороженое начало таять сразу, белыми каплями стекая по палочке на сухую, потрескавшуюся землю. Я сделал вдох — слабый, едва заметный, как будто я учился дышать заново.

Я радовался мелочам. Теплу вечера. Холоду мороженого. Тишине.

И тогда я услышал шаги.

Лёгкие. Осторожные. Почти неслышные на мягкой траве.

Я не обернулся. Я смотрел на мороженое в своей руке, на белую каплю, которая медленно ползла вниз, и ждал.

— Я знала, что найду тебя здесь, — раздался голос за спиной. Робкий. Знакомый.

Я медленно поднёс мороженое к губам. Сделал ещё один вдох.

— Привет, — сказал я, когда она обошла скамейку и остановилась передо мной. Её лицо слегка покраснело от жаркого дня, волосы растрепались, глаза блестели. — Рад тебя видеть.

Она села рядом. Её пальцы коснулись моей руки — осторожно, почти невесомо, — когда она стирала каплю мороженого с моей ладони.

— Я так скучала, — прошептала она, не отрывая взгляда от моих глаз.

Я не ответил. Я просто смотрел на неё, на её лицо, на её глаза, в которых было всё утро, весь день, вся эта долгая, тяжёлая тишина. И я наклонился к ней — медленно, почти на выдохе, — и поцеловал её в лоб. Губы были холодными и липкими от мороженого, но она не отстранилась.

— Я тоже скучал, — сказал я тихо. — Как дела в школе?

— Всё хорошо, — прошептала она, прижимаясь ближе к моему плечу. — Лиза рассказала мне про тебя.

Я кивнул. Сделал ещё один глоток мороженого. Оно таяло на языке, сладкое и холодное, и я чувствовал, как этот холод растекается по всему телу, остывая, успокаивая.

— Небольшой трудный первый день, — сказал я. — В цветочном магазине. Всё прошло хорошо. Я справился на отлично.

Она улыбнулась. Её пальцы нашли мои, переплелись с ними, и мы сидели так на скамейке в пустом парке, пока вечер не стал гуще, а мороженое не закончилось, оставив на губах только сладкий, липкий след, который пах летом, и свободой, и ею.

Глава 5

Мы шли по вечерней улице, и я чувствовал, как её пальцы переплетаются с моими — тонкие, тёплые, чуть влажные от волнения. В воздухе пахло мокрой травой и чем-то ещё, неуловимым, тем, что остаётся после долгого дня, когда солнце уже село, а земля ещё хранит его тепло. София молчала, но я знал, что она улыбается — я чувствовал это по тому, как её рука чуть сильнее сжимала мою на каждом шагу.

— Я знала, — вдруг тихо сказала она, и голос её прозвучал так, будто она продолжала разговор, начатый давно, может быть, ещё вчера. — Лиза говорила, что ты был просто прекрасен.

Я наклонился и поцеловал её в макушку. Волосы пахли малиной — тем самым шампунем, который она не меняла уже несколько лет, и этот запах был для меня вкусом лета, чем-то родным, почти болезненно знакомым. Она тихо засмеялась и прижалась ко мне, замедляя шаг.

— Для тебя я ничего не изменю, — прошептала она, закрывая глаза, будто старалась запомнить этот момент.

— Я тебя люблю, мой Софик, — сказал я, и слова вышли сами, без усилия, как дыхание.

Её ладонь легла мне на грудь, туда, где сердце билось ровно и спокойно.

— И я тебя, — ответила она, уткнувшись лицом в моё плечо, и в голосе её было облегчение, такое полное, что я почувствовал, как она выдохнула, будто держала этот воздух внутри целый день.

Мы стояли так несколько секунд, пока я не взял её вторую руку и не сжал её, поглаживая большим пальцем край ладони. Она была мягкой, белой, как снег в декабре — тот снег, который падает на дома и хрустит под ногами, когда идёшь по нему в темноте.

— Давай просто посидим так немного, — тихо попросила она, и я кивнул, хотя знал, что уже темнеет, и мама будет переживать.

— Хорошо, — сказал я. — Только недолго.

Она медленно кивнула, нехотя отстраняясь, и мы снова взялись за руки, поднимаясь с прогнившей деревянной лавки, которая жалобно скрипнула под нами. Дом уже виднелся впереди — старый, с облупившейся краской на крыльце, но тёплый, живой, с жёлтым светом в окне кухни.

— Войдём вместе? — спросила она у самой двери, и я наклонился, поцеловал её в щёку, чувствуя, как она краснеет под моими губами.

Мы вошли в прихожую. Дверь скрипнула, и в нос ударил знакомый запах маминых духов — тяжёлый, сладкий, с нотками ванили. В гостиной горел свет, и мама сидела за столом, глядя в окно.

— Как прошёл вечер? — спросила она строго, и София вздрогнула, отпуская мою руку.

— Всё хорошо, — сказал я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Я немного утомился сегодня. Пойду приму душ. Сделай, пожалуйста, чай, хорошо?

Мать молча кивнула, и в этом кивке было столько же одобрения, сколько и усталости.

— Чай будет готов, — ответила она сухо, и София, опустив взгляд, тихо ушла в свою комнату.

Я поднялся наверх, бросил вещи на скрипучую кровать и взял с шкафа полотенце — тёплое, только что из стирки, пахнущее порошком и капсулами с запахом зелёного леса и озера. Ванная была пуста, и я закрыл дверь на щеколду, включил душ.

Вода потекла по телу, смывая усталость, весь этот долгий, прохладный день. Я стоял под струями, закрыв глаза, и думал о том, как хорошо, что она рядом, что есть этот дом, этот вечер, этот запах малины, который, кажется, пропитал всё вокруг.

Шум воды заглушал все звуки, и я не услышал, как скрипнули половицы в коридоре. Я не заметил, как чья-то ладонь осторожно коснулась щели под дверью, и в комнату, сквозь шум душа, просочился знакомый запах.

— Я знала, что ты не закроешь, — едва слышно прошептала София, и я открыл глаза.

Дверь со скрипом отворилась, впуская прохладу коридора и запах малины.

— Я не могла, — сказала она, переступая порог и прикрывая за собой дверь на защёлку.

Я уже закончил мыться и натягивал белое банное полотенце поверх шорт и трусов. Торс был ещё мокрым, и она замерла на пороге, её дыхание сбилось. Щёки мгновенно вспыхнули.

— Ты... — прошептала она, не в силах отвести взгляд.

Я подошёл к ней, обнял за талию. Она была тёплой, мягкой, и её пальцы судорожно комкали край толстовки.

— Пойдём ужинать, — сказал я, улыбнувшись. — И спать.

Она сглотнула, её взгляд скользнул по каплям воды на моей груди.

— Мама будет ждать, — тихо сказала она, но не сделала попытки отстраниться.

Я взял её за руку, и мы вышли из ванной, прошли по коридору на кухню. Мама сидела за столом, глядя в окно на темнеющее небо.

— Садитесь ужинать, — сказала она сухо, и София нехотя отпустила мою ладонь, села напротив.

Я сел на своё место, кинул в чай три ложки сахара, размешал. Чай был горячим, терпким, и я пил его маленькими глотками, поглядывая на Софию и маму. Спросил, как прошёл их день, но ответы были короткими, и разговор угас сам собой. Время тянулось медленно, луна уже поднялась высоко, и я поблагодарил маму и Софию за чудесный вечер, поднялся, ушёл в свою комнату.

Закрыв дверь, упал на кровать, повернулся к стенке. Усталость накрыла меня, как волна, и я выключился почти мгновенно. В комнате было тихо, только прерывистое дыхание нарушало тишину.

Я не знаю, сколько прошло времени. Может быть, час, может быть, два. Сквозь сон я слышал шорох за дверью, и щеколда медленно откинулась. Прохладный воздух коридора принёс с собой запах малины.

— Можно? — едва слышно прошептала София, переступая порог.

Я медленно открыл глаза.

— Заходи.

Она тихо закрыла дверь, села на край кровати. В темноте я видел только её силуэт, но чувствовал, как она дрожит.

— Ты уже спишь? — спросила она, касаясь моей ладони.

— Нет, — ответил я, и это было правдой.

Её пальцы переплелись с моими.

— Я не могла уснуть, — тихо сказала она, придвигаясь ближе.

Я обнял её за плечо, начал гладить руку, вырисовывая пальцами круги, квадраты, линии, которые не имели смысла, но успокаивали нас обоих. Она прижалась к моей груди, закрыла глаза.

— Мне так спокойно рядом с тобой, — прошептала она, и я почувствовал, как её дыхание замедляется, становится ровным.

Я тихонько уложил её на кровать, укрыл одеялом, прижал к себе. Закрыл глаза, слушая её дыхание, мерное, спокойное, как волны.

— Спи, — прошептала она, уткнувшись носом в мою ключицу, оставляя лёгкий поцелуй, и я почувствовал, как её пальцы цепляются за ткань моей футболки, ищут опору, ищут меня.

Ночь продолжала занимать своё положенное место в это время суток. Где-то в глубине дома уже ждала нас новая, долгая весть. За эти пять лет мы привыкли к тишине, к пустоте, к тому, что отец не звонит. На часах было за полночь, когда мы с Софией спали, и вдруг — резкий, пронзительный звонок старого военного телефона, который стоял в коридоре, покрытый трещинами и пылью.

Последний раз отец звонил по нему перед самым крушением на борту. Мы думали, что он пропал. Но именно в эту ночь, когда луна светила ярко, раздался звонок от командира части.

София испуганно вздрогнула в моих объятиях, сжалась. Я слышал, как мама поднимает трубку, как она плачет — глухо, надрывно, так, как плачут, когда сдерживались слишком долго.

— Иди сюда, — тихо сказал я, прижимая Софию к себе, но в голосе моём уже была готовность.

Я медленно поднялся с кровати, не издавая ни звука. Держал Софию за руку, продвигаясь по коридору к матери. Половицы скрипели под ногами, но я не обращал внимания. Мы осторожно выглянули из темноты.

Мама стояла у старого телефона, судорожно всхлипывая. Она обнимала трубку так, будто это был сам отец, будто она могла удержать его голос в своих руках.

— Твой отец едет, — прошептала она сквозь слёзы, и в этом шёпоте было столько боли, что у меня сжалось сердце.

Я медленно кивнул. В знак понимания. В знак одобрения ситуации. Мои сонные глаза закрывались сами по себе, не давая шанса на размышления, но я стоял, сжимая руку Софии, и смотрел на мать, которая плакала в темноте коридора, и думал о том, что мир, который мы знали, только что перестал существовать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.